

**“Modern Problems in the Evolutionary Morphology of Animals”:
All-Russian Conference with International Participation
and the School for Young Specialists and Students,
Dedicated to 110th Anniversary of Academician A.V. Ivanov**

YAROSLAV I. ZABOTIN¹, RAVIL` M. ZELEEY²

Institute of Fundamental Medicine and Biology of Kazan Federal University, 18, Kremlevskaia st.,
Kazan, Russia; ¹Yaroslav_Zabotin@rambler.ru, ²Zeleeewy@rambler.ru

We review the All-Russia conference with international participation and the School for Young Specialists and Students “Modern Problems in the Evolutionary Morphology of Animals” organized by the Zoological Institute of Russian Academy of Sciences in September 2016 and dedicated to the 110th anniversary of the famous evolutionary zoologist Academician A.V. Ivanov. The subject of both scientific events included evolutionary morphology, embryology, systematics and phylogeny of invertebrates and vertebrates, as well as the evolution of ontogenesis and morphogenetic mechanisms. Particular attention was paid to the path of life and scientific heritage of Artemii Vasilievich and to morphology of invertebrate taxa studied by him. The event concluded with a ceremony awarding the “Academician A.V. Ivanov Prize” award.

Keywords: “Modern problems of evolutionary morphology of animals”, A.V. Ivanov, zoology, systematics, phylogenetics.

**История отечественной биологии на теоретическом семинаре
по проблемам русской мысли и политики**

В.П. МАКАРЕНКО

Южный федеральный университет, Ростов на Дону, Россия; vpmakar1985@gmail.com

13–15 октября 2016 г. в Южном федеральном университете (ЮФУ) проходил Всероссийский форум философии и политических наук, посвящённый 110-летию со дня рождения Ханны Арендт. В его рамках состоялось очередное заседание постоянного теоретического семинара ЮФУ по проблемам русской мысли и политики, на котором было представлено второе издание книги В.Н. Сойфера «Сталин и мошенники в науке» (М.: Добросвет, 2016). Автор — известный советский и американский молекулярный биолог, биофизик, генетик, историк отечественной науки. Им опубликовано более 30 книг и 300 статей на русском, английском, немецком, французском, вьетнамском и других языках. Он почётный доктор университета Джорджа Мейсона в Вашингтоне и ряда других университетов, включая Южный федеральный университет.

В.Н. Сойфер обратился с письмом к участникам семинара, в котором поблагодарил за включение в программу конференции презентацию второго издания монографии «Сталин и мошенники в науке», вышедшей в январе 2016 г. Он подчеркнул свои особые

чувства к Ростовскому университету, Учёный совет которого по инициативе профессора Е.П. Гуськова, поддержанной Ю.А. Ждановым, избрал Сойфера в 2003 г. почётным доктором. Сойфер отметил также, что тема «И.В. Сталин и наука» не раз была предметом российских и зарубежных исследований, вскрывших его негативное влияние на судьбы

педологии, философии, медицинской генетики, родившейся в СССР (причём четвертью века раньше того, как эта наука возникла на Западе), общей и сельскохозяйственной генетики, релятивистской теории в физике, теории резонанса в химии, математической статистики, передовых направлений в лингвистике, структурных исследований в экономике, научных направлений в изучении высшей нервной деятельности, заменённых знахарством и примитивным жульничеством.

Хорошо известно также, что большевики репрессировали многих ярких учёных, не скрывавших свое несогласие с их действиями, в то время как пропаганда муссировала тезисы о невиданном расцвете наук в СССР и о выдающейся роли Сталина в поддержке истинно передовых направлений, избрав его в 1939 г. почётным академиком АН СССР и провозгласив «корифеем всех наук». Тем не менее В.Н. Сойферу представлялось важным ещё раз обратиться к этой теме, чтобы детально проанализировать механизм репрессий в науке, показать личную вовлечённость Сталина в процесс уничтожения целых отраслей научного знания и их выдающихся представителей и подтвердить документально какими приёмчиками пользовались те, кто брался проводить в жизнь аморальные и часто безумные приказы Сталина.

По мнению Сойфера, комплекс приведённых им материалов вскрывает роль Сталина в развале

великой и бурно развивавшейся российской науки. Сталина интересовала лишь поддержка тех направлений, которые были важны для развития военно-промышленного комплекса, хотя и в этих направлениях наиболее яркие и немолчащие учёные были незаконно арестованы и даже казнены <... > Такая политика завершилась удручающими последствиями. Американские специалисты помогли построить крупнейшие автомобильные заводы в СССР (такие как Горьковский и Московский), западные инженеры помогали строить Днепрогэс и Беломорско-Балтийский канал, важные секреты были выкрадены из США и Англии при конструировании атомного оружия (хотя советские физики сформулировали кардинальные идеи в этой области раньше западных коллег). Иными словами, СССР широко пользовался достижениями мировой науки, но сегодня очевидно, что запрет многих направлений в науке и выложенная красная дорожка для проходимцев и мошенников обусловила отставание СССР. Число же арестованных и казнённых выдающихся учёных было огромным <...> СССР и позже Россия потеряли очень много из-за этой ненависти к независимой и свободомыслящей науке. Советские (и российские) учёные получили лишь 12 Нобелевских премий в областях науки и 1 премию в экономике, в то время как общее число лауреатов в США достигло цифры 326, в Великобритании — 115, в Германии — 102, во Франции — 57. Как отмечает выдающийся германист академик Ю.С. Пивоваров, Германия, разрушенная в ходе Второй мировой войны гораздо значительнее, чем СССР, восстановилась много быстрее СССР (и не только за счёт плана Маршалла, а благодаря собственным научным, технологическим и общественным причинам). Отставание СССР во многих отношениях было обусловлено сталинскими пристрастиями и антипатиями.

В.Н. Сойфер уверен, что анализ политики Сталина в науке особенно актуален для понимания нынешней «надвигающейся катастрофы в развитии России», связанной с необдуманной реформой РАН и других государственных академий, с уничтожением мно-

гих институтов и университетов, с учреждением ФАНО как специального органа для управления фундаментальной наукой и надзора за ней:

Неудивительно, что отток мозгов из России за последнее десятилетие достиг невыносимых размеров. Это грозит великими бедами будущему России, хотя размер бедствий может оказаться более зловещим, чем сейчас прогнозируют специалисты.

Выступая как руководитель семинара, я вначале попытался оценить известные мне книги В.Н. Сойфера («Власть и наука», «Очень личная книга», «Сталин и мошенники в науке») с позиции читателя. По моему мнению, они могут служить пропедевтикой в осознании проблемы отношений между властью и наукой не только для читателей СССР и России, но и других стран. Книги В.Н. Сойфера лично у меня вызывают чувство восхищения, глубокого пиетета и солидарности с автором. Но при выполнении задачи комментатора не следует забывать предупреждение трехсотлетней давности:

Серьёзная критика на книгу требует больше усилий и мастерства, больше остроумия, знаний и мыслительных способностей, чем их затрачивается на писание самой книги¹.

Во время подготовки к форуму я спрашивал у многих биологов ЮФУ, читали ли они книги В.Н. Сойфера. Таковых не оказалось. Этот факт свидетельствует, что в ЮФУ пока даже рассказ о книге В.Н. Сойфера будет не лишним, хотя и не отменяет задачу комментария к ней.

В книге ставятся принципиально важные вопросы: как стало возможным, что в СССР оказались под запретом фактически вся философия, педология, общая и медицинская генетика, клеточная теория, математическая статистика, кибернетика, теория резонанса в химии, релятивистская физика и ряд других дисциплин, а вместо них расцвела псевдонаука? каков был механизм отторжения настоящей науки и устранения честных учёных от творчества? кто виноват в этом непродуктивном крене в сторону лженауки типа лысенкоизма и в прямом очковтирательстве, если государству были нужны победы «на всех фронтах социалистического строительства», и только наука могла питать индустрию, военно-промышленный комплекс, сельское хозяйство, медицину и вообще все отрасли народного хозяйства?

Ответ В.Н. Сойфера в предельно сжатом изложении звучит так: при отсутствии контроля общества за деятельностью руководителей государства последние присваивают право делать всё, что посчитают нужным. Поэтому произвол — главная характеристика деспотических и тоталитарных правителей, одним из которых является И.В. Сталин. Как и многие другие руководители такого стиля, он был человеком полужнания, с апломбом выскочки и хитреца. Поэтому решил полагаться на себе подобных, не распознавая множества обманщиков и мошенников. Созданная им системой безусловной подчинённости приказам заменила логику развития научных дисциплин. Векторы развития науки, её финансирование и руководство направлялись сообразно сталинским вкусам и контролировались партийными органами.

Из полужнания вытекало другое свойство характера И.В. Сталина — неспособность без озлобления воспринимать возражения оппонентов в любом вопросе. Он знал

¹ *Свифт Дж.* Путешествие Гулливера. Сказка бочки. Дневник для Стелы. Письма. Памфлеты. Стихи на смерть доктора Свифта / Пер. с англ. М.: АСТ, 2003. С. 278.

лишь один способ аргументации — физическое устранение несогласного под любыми предлогами. Эта криминальная страсть выработалась у Сталина с юных лет. В результате государству был нанесён громадный ущерб.

Важную роль в расцвете псевдонауки играли специалисты, осознававшие суть псевдоновинок, но в погоне за личной выгодой предававшие науку и цинично соглашавшиеся с «мнением вождей и партии». В каждой из дисциплин нашлись беспринципные «жрецы», с восторгом приветствовавшие любую ахинею верхов. Используя предательство науки приспособленцами-учёными, власти формировали так называемое «общественное научное мнение». Но не следует списывать всё на И.В. Сталина. Другие руководители страны, особенно идеологи, создавали «коллективную мысль и волю партии».

Сегодня многие «патриоты» любят говорить о гигантских стройках, военных победах, развитии индустрии и мудрости И.В. Сталина и партии, обеспечивших расцвет науки и техники, литературы и искусства. Для меня убедительнее выводы, что этот расцвет был бы более внушительным без И.В. Сталина и партийного диктата. Неправомочны также заявления тех, кто полагает, что честный и беспристрастный исследователь должен признать роль В.И. Ленина, И.В. Сталина и их правительств в превращении якобы допотопной и совершенно отсталой России в могущественную страну мира — СССР. На деле царская Россия к 1913 г. вырвалась в число самых развитых стран мира, где была создана едва ли не лучшая в мире система среднего образования, работали выдающиеся учёные (двое из них получили в 1904 г. и 1908 г. Нобелевские премии). Изгнанные из страны российские учёные и инженеры развили на Западе телевидение, самолёто- и вертолётостроение, кораблестроение, многие области гуманитарных и общественных наук.

Насаждавшаяся И.В. Сталиным идеология корёжила вековые принципы цивилизованного поведения и морали, учила массовому вранью, выставляя чёрное белым. Целые поколения людей выросли в сталинском царстве кривых зеркал. Всё общество погружалось в атмосферу лжи, страха и доносительства. Вину в массовых репрессиях должны разделить со И.В. Сталиным миллионы тех сограждан, кто писал доносы на десятки миллионов арестованных и служил в карательных и пенитенциарных органах.

В.Н. Сойфер считает, что мощные отголоски этих пороков сохраняются сегодня. Парадоксальной стороной сегодняшней жизни в России стало то, что нынешние правители абсолютизируют свои властные полномочия и в угоду финансовым и честолюбивым интересам отдельных лиц способствуют разрушению установившихся веками принципов организации и функционирования науки. В России до сих пор умиляются трудами псевдоучёных. Их имена на слуху у всего научного сообщества, но именно они пользуются доверием властей, а многие обзавелись учёными степенями и даже были избраны в государственные академии. Поэтому рассказ В.Н. Сойфера о государственной поддержке в СССР шарлатанов важен не только для понимания истории, но также для того, чтобы избежать повторения ошибок прошлого.

Вместе с тем я считаю книги В.Н. Сойфера частным случаем громадного массива литературы по проблеме взаимоотношения науки и власти в России/СССР. Данный массив можно классифицировать по различным дисциплинарным и тематическим критериям. Но в большинстве случаев в нём воспроизводится типичный для России/СССР феномен персонификации власти². При всём согласии с предста-

² См.: *Краснов М.А.* Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. 180 с.

вителями такого подхода я предлагаю в качестве критерия оценки данной литературы феномен научно-технической контрреволюции, который был зафиксирован М.К. Петровым ещё в середине 1960-х гг. и который, по моему мнению, позволяет описать институциональные свойства отрицательного отношения к науке целых поколений. Тогда в официальной политике Советского государства превалировал лозунг «научно-технической революции». Между тем М.К. Петров сформулировал идею о принципиальной несовместимости таких социальных структур, как наука и государство. В современных обществах функция науки — генерирование нестабильности во все элементы социальной структуры. Но этот процесс обнаруживает глубочайшую иронию истории.

Предметом такой иронии является, прежде всего, само государство. Оно финансирует науку, а с нею и свою нестабильность. Государство стало «орудием организованной дезорганизации», с которой оно же само «борется» и призывает «бороться». Деморализованное государством общество воспитывает человека в традиции нерассуждающего уважения к должности:

Бессмертная социальная структура мыслится «социоценозом», штатным расписанием бессмертных должностей, а свобода человека становится в этом случае осознанной необходимостью выбора одной из наличных должностей, сознательного уподобления-соответствия должности³.

Петров предлагал изучать центробежные силы, которые не дают обществу застыть, вызывают движение социальной неопределённости, и критически оценить субстрат этого движения. Одновременно он предсказывал:

Чтобы раз и навсегда избавиться от нестабильности, достаточно сократить финансирование науки и подготовку кадров. К тому же результату может привести и требование тесной связи с производством, участия науки в рационализации существующих технологий. В современном мире оба направления были бы формами самоубийства по неведению⁴.

В чём же состоит это медленное самоубийство, свидетелем и актором которого оказался В.Н. Сойфер, я, множество моих учителей, коллег, учеников?

На протяжении 1990-х гг. в России сформировался стереотип: социальные и политические реформы на протяжении всего XX в. поставили отечественную науку в тяжёлое положение. В.Н. Сойфер тоже развивает эту точку зрения, считая главным виновником этого процесса И.В. Сталина. Валерий Николаевич вынужден заниматься ретрокритикой, поскольку до сих пор руководство страны не выразило однозначно негативного отношения ко всей эпохе советской власти. Ретрокритика свидетельствует о том, что реальная критика нынешнего руководства страны не дотягивает до нормальных политических стандартов. Но сейчас речь не об этом.

М.К. Петров ставил вопрос иначе. Наука — это глобальное когнитивно-социальное предприятие взрослых людей. В нём заняты люди любых наций на основе образовательного ценза. Но в конце XX в. полтора десятка стран (четверть населения земли) давали 95 % мирового научного продукта. Одновременно научные сообщества всех стран обладают монополией на подготовку учебников, учителей и преподавателей для

³ Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д: РГУ, 1992. С. 207.

⁴ Петров М.К. Самосознание и научное творчество. С. 209.

систем образования⁵. Отсюда вытекает ряд острых проблем, не решённых ни одним государством.

Прежде всего, это конфликт наследственной профессии и научной дисциплины. Наследственная профессия транслирует деревенский (общинный) способ социального устройства, при котором основным каналом трансляции являются семья и семейный контакт поколений. Этот канал несовместим с научной формой познания мира. По причине живучести традиции наука пока не победила наследственный профессионализм. При его сохранении наука невозможна. Культурная несовместимость — это мера влияния наследственного профессионализма на научную деятельность⁶.

Следующая проблема — трансляция религии (теологии) с помощью науки. Никейский собор в 325 г. запретил иерархическую интерпретацию бога, но не запретил прорастания принципа иерархии в другие области. Целибат исключил семью из воспроизводства знания, создал модели грамотности, текста и отношения «учитель—ученик». Но Бог-отец в этой схеме оставался абсолютом. Поэтому ряд элементов научной деятельности (вера в абсолют, авторитет, порядок, неисчерпаемость нового, запрет противоречия) транслируют элементы теологии (иерархия—импето—инерция—взаимодействие, внешнее управление—свойство, личное божественное участие—предопределение—вечность—законы природы). Эти идеи сыграли особую роль в появлении науки. Но под лозунгом очищения от язычества и ради создания истинно христианской церкви, философии, науки, образования, государства разрушали иерархию. Поэтому идея о «правильности» мышления по единому образцу (русскому, американскому и т. д.) — духовный провинциализм. Его берут на вооружение любители поговорить о достоинствах и недостатках рас и наций. Установка на исключение вариантности мышления порождает множество форм знакового фетишизма — от фигуры бога через построения по комплексу Архимеда до утопий и антиутопий, которые транслируют идею «естественной социальности» муравейника (роя). На деле человек — социализированная муха и таракан⁷.

Наиболее острая проблема — привязка научной деятельности к конкретному времени и обстоятельствам. Для критики этого феномена М.К. Петров предлагал строгое разделение науки и «паранауки». Последняя порождает и транслирует следующие барьеры познания: официальные собрания, совещания, обсуждения, митинги, СМИ, государственные органы по управлению наукой и образованием, учёные советы, редакции, институты научной информации и т. д. Все они работают на уровне компетенции выпускников школы. Занимаются распределением ассигнований на науку. Ищут среди членов научного сообщества потенциальных авторов учебников. Убеждены в том, что за истину можно и нужно голосовать. Но уровень компетентности общего собрания РАН и прочих официальных научных структур не выше уровня любой группы взрослых, не имеющих никакого отношения к науке. И в этом отношении ФАНО ничем не отличается от Президиума РАН, который также в лучшем случае лишь утверждал планы, порождённые на уровнях лабораторий, а в основном занимался распределением предоставленных государством ресурсов в соответствии с личными интересами, сопровождая это декларациями о служении народу, отече-

⁵ Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. М.: Наука, 1992. С. 19, 99–100.

⁶ Там же. С. 26–32.

⁷ Там же. С. 39–46, 83–86, 89–96, 51–53.

ству, человечеству, истине и т. п. Деятельность указанных структур — чистый произвол. Он воплощает атрибут всеведения и является реликтом теологии, облачающейся в одеяния рациональности.

Представление о личности (инстанции), обладающей атрибутами всеведения, всемогущества, всеблагости. Наука как высший авторитет сохраняет все атрибуты бога, является реальным, действенным, актуальным, развивающимся во времени агентом-феноменом универсальной истины⁸.

Стремление индивидов к абсолюту всеведения выражается в научном знаковом фетишизме. Все знаковые реалии научного знания не обладают способностью к самодвижению, изменению, развитию, сознанию, рефлексии, определению, выражению и т. д. На этот фетишизм накладываются все существующие языки (около трёх тысяч). По ходу ментального движения в мире национальных знаковых систем взрослеющие индивиды получают образование. Они убеждены, что умнеют и приближаются к абсолюту всеведения. Но любая группа сверстников разобшена, идёт в разные стороны сообразно с действующей социальной номенклатурой взрослой деятельности⁹.

Система научного образования — это способ контроля духовной и культурной жизни общества. Через учебники происходит обожествление и фетишизация Истории, Логики, Природы, Реальности и т. д. Этим понятиям приписываются свойства бога или независимой от человека закономерности. Учебники воплощают ментальную ограниченность человека как естественного, социального, разумного существа. Решения об их издании (переиздании) принимаются под давлением множества рациональных и иррациональных факторов¹⁰.

Основной поток научного продукта прямо не направляется на предмет приложений (технология, управление, организация, медицина, оборона). Дело в том, что через систему образования новое знание направляется на укрепление репродуктивных структур, в том числе и в науке. Они противоположны непредсказуемому миру свободной миграции, коммуникации и концентрации таланта в мире открытий и проблем¹¹.

Активность учёного побуждается набором человеческих страстей, стремлений, склонностей и предпочтений. Согласно Р. Мертону, в научном сообществе существуют четыре роли: исследователь, преподаватель, администратор, привратник. Роль исследователя является центральной, поскольку она отвечает за рост научного знания. Героями науки становятся по способности быть исследователем. Отличие науки от других областей деятельности — акцент на продуктивность. Она измеряется числом опубликованных работ и интенсивностью их цитирования в более поздних публикациях. На деле же новобранцы науки строят карьеру для движения по иерархиям чинов, степеней и званий в соответствии со стажем работы¹².

Таковы свойства паранауки. М.К. Петров противопоставлял этим свойствам тезаурусно-динамический коллективизм, который отличается непреднамеренностью, отсутствием организации и стремления к изоляции. Но в формальных академических структурах почти невозможен тезаурусно-динамический коллективизм. Поэтому они

⁸ Там же. С. 98, 110–111, 113–115.

⁹ Там же. С. 119–121.

¹⁰ Там же. С. 118.

¹¹ *Петров М.К.* Социально-культурные основания развития современной науки. М.: Наука, 1992. С. 124–125.

¹² Там же. С. 130–131.

перестают быть научными¹³. Кризис организационных структур науки породил обильную литературу. И ясно, что литература о Сталине и учёных, включая и обсуждаемую книгу В.Н. Сойфера, отражает лишь один частный, хотя и наиболее драматический аспект противоречивых взаимоотношений науки, общества и власти.

Ведь в результате действия указанных социально-политических и религиозно-научных феноменов потерян единый мир открытий, наука разведена по национальным и региональным клеткам. Все перечисленные феномены теоретически несостоятельны, хотя на деле существуют. Государства — главные агенты научно-технической контрреволюции, поскольку заставляют науку обслуживать свои цели и защищают общество от её обновляющего воздействия¹⁴.

В XX в. господствовала экстенсивная модель онаучивания общества, которая сформировала несколько угроз: стремление ликвидировать науку как наднациональный феномен ради краткосрочных выгод; протекционизм; научный шпионаж и секретность; моноглотизм (однойязычие); лишение новобранцев науки доступа к интернациональному потоку публикаций; вытеснение из системы всеобщего образования классических (греческий, латынь) и четырёх великих языков науки (английский, русский, немецкий, французский); насаждение учебников в школьные и вузовские программы¹⁵.

В итоге возникла глобальная опасность ментального расползания человечества. В учебниках постоянно снижается представительство глобальной науки. В школе и вузе законодателями мод стали бездари, лентяи и тихиходы. Они воспитывают характер будущих взрослых. Ментальная лень стала нормой жизни. Компьютеризация способствует ее укоренению. Способность мыслить превращается из радостной нормы человеческого существования в беспросветную муку. Бездари стали влиятельной социальной группой, определяющей темп академического движения и стиль жизни в развитом обществе. Это совпадает с влиянием алкоголизма и наркомании на социальную жизнь.

Государство предпочитает местный патриотизм глобальному космополитизму и усиливает все перечисленные свойства. Деятельность политико-административных инстанций всех развитых стран не зависит от глобального феномена науки и теоретических соображений. Она зависит от эмпирически сложившейся традиции сопряжения естественного взросления индивидов с академическим их движением в терминах взрослой деятельности¹⁶.

Указанные тенденции создают сильнейшую инерцию и самоубийственны для человечества. Более столетия наука подпиливает сук, на котором сидит. Глобальный феномен науки рано или поздно исчезнет по причине моноглотизма и уступит место множеству национальных и региональных «поднаук». В условиях срыва взаимопонимания между поколениями онаученных взрослых примерно 50 лет придется идти в параакадемическом вакууме, без права и возможности обратиться за разъяснением трудных мест к первому встречному старшему¹⁷.

Идеи М.К. Петрова подтверждаются историко-научными и науковедческими исследованиями последних лет. Например, близки к ним петербургские учёные в создании социальной истории науки и в описания национальных моделей связи науки

¹³ Там же. С. 137–139.

¹⁴ Петров М.К. Историко-философские исследования. М.: РОССПЭН, 1996. С. 20–62.

¹⁵ Петров М.К. Социально-культурные основания... С. 142–144.

¹⁶ Там же. С. 142–158, 166.

¹⁷ Там же. С. 214.

с религией и государством¹⁸. С этой точки зрения надо рассматривать сравнительные достоинства и недостатки английской (колониально-имперской), французской (революционно-бюрократической) и российской (самодержавно-бюрократической) модели взаимосвязи науки и государства, по отношению к которым В.И. Ленин, И.В. Сталин, а тем более и их присные были простыми исполнителями, а не «всемирно-историческими личностями» или злодеями мирового уровня в области науки¹⁹. Б.И. Пружинин показал, что в современной науке (за исключением незначительной доли фундаментальных исследований) господствует раболепствующий разум²⁰. В современной урбанистике показано, что в России на протяжении целых веков население пассивно сопротивлялось любым государственным вариантам упорядочивания территории и расселения людей. Но именно наука постоянно использовалась для территориального «закрепления» человеческих ресурсов²¹. Не мешало бы установить пропорцию данных моделей в создании современного облика СССР (включая науку) и постсоветских государств.

Пока этого нет, и проблема состоит не в том, что ещё раз раскритиковать и заклеить И.В. Сталина и его действия в области науки. Важнее выяснить, насколько множество современных государств (их число давно перевалило за две сотни) с их аппаратами власти и управления и научными сообществами способствовали варваризации современной жизни? Материал книг В.Н. Сойфера может быть использован при обсуждении степени страноведческого (в данном случае российско-советского) обезчеловечивания всей современной цивилизации, в том числе и при помощи науки²². Эта идея тоже вытекает из работ М.К. Петрова, который сформулировал концепт «человекообразности», применение которого ко всем направлениям деятельности только начинается²³.

В заключение заседания семинара с докладом «Креационизм или эволюционизм: современная теория эволюции» выступил доктор биологических наук, профессор ЮФУ А.В. Усатов, который поблагодарил оргкомитет за возможность изложить своё понимание некоторых проблем биологической эволюции с точки зрения генетика. Он подчеркнул, что, готовя доклад:

получил огромное удовлетворение, забыв на время эффективность, рентабельность, инновации, компетенции, образовательные услуги и прочие современные термины, от обилия которых иногда становится дурно, и вновь окупился, как в старые добрые времена, со своими Учителями в обсуждение Вечных проблем Природы и Человека.

Но вначале Усатов счёл необходимым дать краткую информацию о генетиках, которые, несмотря на экстремальные условия, не только сохранили свою науку в Ростовском университете, но и воспитали последующие поколения в духе осуждаемых тогда

¹⁸ См.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1039 с.

¹⁹ См. об этом подробно: *Макаренко В.П.* Наука и власть: контекст социальной истории науки // Логос. 2005. № 6. С. 98–116.

²⁰ См.: *Пружинин Б.И.* Ratio serviens? Контурь культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН. 2009. 423 с.

²¹ См.: *Глазычев В.Л.* Город без границ. М.: Территория будущего, 2011. 398 с.

²² См.: *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФ РАН, 2007. 272 с.

²³ *Огурцов А.П.* Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: в 3 частях. Ч. 3: Философия науки и историография. СПб.: ИД «Мирь», 2011. С. 234–243.

морганистов-вейсманистов²⁴. Особую роль в ограждении генетики от разгрома сыграл бывший ректор Ростовского университета Ю.А. Жданова — непримиримый противник Т.Д. Лысенко ещё с середины 1940-х гг. А.В. Усатов подчеркнул, что, несмотря на экстремальные условия, ростовские генетики защитили и отстаивали

нравственные принципы, которые мы, их ученики, должны не только сохранить, но и передать следующему поколению. Образно говоря, как генетические программы от родителей потомкам.

Далее Усатов перешёл к изложению своих взглядов на современное состояние эволюционной теории, начав с цитаты Е.П. Гуськова, много лет читавшего курс дарвинизма на биологическом факультете Ростовского университета:

Если науки представить себе в виде песочных часов, то становится понятным, что биология является срединной наукой, так как основание — это точные науки, вершина — гуманитарные, а биология располагается между ними. Точные науки объективны, в связи с тем, что математические расчеты являются отражением численных отношений параметров окружающего мира. Гуманитарные науки субъективны, так как отражают отношение личности к любым объектам от материальных до идеальных. А биология, как «самопознающая материя», с одной стороны, заимствует методы у точных наук, но с другой,ставляет свои выводы в качестве субпродукта гуманитариям.

По мнению А.В. Усатова, специфика биологии состоит в том, что в ней в отличие от математики в принципе невозможны строгие доказательства. Биологическую гипотезу можно опровергнуть фактами, можно прийти к выводу о её правдоподобности благодаря подбору ряда согласующихся с ней фактов, но её истинность доказать нельзя. Отсюда и возникают споры о научности биологических теорий и гипотез и суждения об их временной стабильности. Тем не менее в ней есть весьма устойчивые теоретические концепты. Это метко отметил крупный палеоэнтомолог А.П. Расницын:

Живые организмы также построены, как известно, из весьма ненадёжных элементов и, тем не менее, они весьма надёжны — прежде всего, за счет многократного дублирования ненадёжных элементов, за счёт параллельных систем контроля, репарации и т. д. Так и биология — каждый её шаг, каждая гипотеза многократно проверяется на совместимость как с фактами, так и в особенности с другими, ранее высказанными и уже выдержавшими ряд проверок гипотезами. Это и обеспечивает значительную, хотя и не абсолютную устойчивость научных представлений.

В 1859 г. Ч. Дарвин публикует книгу «О происхождении видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь», с которой связывают победу эволюционной идеи в биологии, хотя сам Дарвин ни разу не использовал термин «эволюция». Сегодня у биологов не вызывает разногласий только самая общая и описательная характеристика процесса эволюции. Попытки же дать определение эволюции, основанное на выделении её наиболее существенных признаков, наталкиваются на трудности, связанные с различным пониманием значимости этих

²⁴ Эту часть доклада журнал печатает отдельно в виде краткого сообщения (на с. 112-115 этого же номера).

признаков. Это обусловлено, в первую очередь, профессиональной специализацией исследователей, которые изучают данный процесс в разном масштабе от популяционной биологии до реконструкции филогенеза в целом.

Тем не менее практически во всех теориях и гипотезах эволюционный процесс описывается как преобразование организации, видообразование рассматривается как центральное и главное качественное событие в эволюции, а макроэволюция и преобразование всей биосферы подразумевается как его следствие. Такое причинно-следственное направление В.И. Назаров обозначил как «**эволюцию снизу**».

Однако в последние десятилетия многие авторы считают, что виды не являются самостоятельно эволюционирующим единицами. Этим статусом обладают только экосистемы (биосфера и биогеоценозы). Сторонники этих взглядов предлагают начинать рассматривать эволюционный процесс не с мутаций и их рекомбинаций, как это принято в настоящее время в классических учебниках по эволюции, а с закономерностей эволюции биосферы и биогеоценозов, то есть с «**эволюции сверху**». Однако, как признает сам А.В. Усатов, на сегодняшний день исследования закономерностей эволюции экосистем пока ещё остаются на уровне отдельных обобщений и предположений.

В целом семинар стал важной площадкой, на которой, возможно, впервые встретились представители столь далеких отраслей знания как философы, историки науки, политологи, науковеды и биологи-эволюционисты. И стало ясно, что самые трагические перипетии в истории науки не просто результат чьей-то злой воли, пусть и очень могущественной, а результат сложной конstellации когнитивных, социально-культурных, институциональных и идейно-политических факторов.

The History of Russian Biology at a Theoretical Seminar on the Problems of Russian Thought and Politics

VIKTOR P. MAKARENKO

Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, Russia;
vpmakar1985@gmail.com

I describe the results of a theoretical seminar at the Southern Federal University on the problems of Russian thought and politics. The seminar was held in October 2016 in the framework of the All-Russian Forum of Philosophy and Political Science devoted to the 110th anniversary of the birth of Hannah Arendt. The seminar discussed the second edition of the book by V.N. Soifer *Stalin and Scammers in Science* (Moscow, 2016). V.P. Makarenko considers the books of V.N. Soifer a special case of an array of literature on the problem of the relationship between science and power in Russia / the USSR. In this literature, the personification of power — a phenomenon typical for Russia-USSR — is presented. The author believes that the concept of scientific and technical counter-revolution, formulated by M.K. Petrov in the mid-1960s, allows us to more adequately describe the institutional causes of a negative attitude toward the science of whole generations. The tragic vicissitudes in the history of Soviet science are not merely the consequence of the evil will of the leaders of the USSR, but the result of the constellation of cognitive, socio-cultural, institutional, ideological and political factors.